

М.Н. Козлов

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТНЫХ ИНИЦИАЦИЯХ У ДРЕВНИХ СЛАВЯН ДОГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭПОХИ

На основе письменных источников, данных археологии и этнографических материалов проведена историческая реконструкция раннеславянских обрядов и верований, связанных с возрастными инициациями.

Ключевые слова: инициация, постриг, служители языческого культа, родовая община, языческое святилище, верования, обряд, обычай.

M.N. Kozlov

TO THE QUESTION ABOUT AGE-RELATED INITIATION OF THE ANCIENT SLAVS, THE PRE-STATE ERA

On the basis of written sources, archeological data and ethnographic materials a historical reconstruction of ancient Slavic rites and beliefs associated with age-related initiations has been hold.

Key words: initiation, veil, Ministers of pagan worship, tribal community, pagan sanctuary, beliefs, rite, custom.

Результаты археологических раскопок последнего времени, в частности исследования крупных языческих городищ-святилищ, недвусмысленно свидетельствуют о том, что уже в дохристианскую эпоху у восточных славян существовала сложная культовая атрибутика и многогранный комплекс языческих представлений и верований. Восточнославянское языческое мировоззрение, как свидетельствуют письменные источники, не имело единой, устоявшейся структуры. Оно состояло из нескольких различных по времени возникновения моделей, меняющихся со временем и причудливо переплетающихся между собой. Под влиянием общественно-экономических и политических процессов, происходивших в восточнославянском обществе, изменялись и мировоззренческие модели восприятия действительности.

Старые, родовые анимистические и тотемистические культы трансформировались, превращаясь в культы народных и дружинных божеств, постепенно усложнялись мифы о посмертном существовании души человека. При этом возникновение новых мировоззренческих моделей вовсе не означало исчезновения старых. Бывшие родовые верования и культы не только продолжали существовать наряду с новыми, но и, как показало время, оказались даже более устойчивыми, чем верования эпохи государственности, и частично сохранились вплоть до нашего времени. Таким образом, реконструкция восточнославянского языческого мировоззрения невозможна без

детального изучения верований и культов наших предков эпохи родовых отношений.

Древнеславянские языческие верования сформировались, очевидно, еще в эпоху индоевропейской общности, но последовательно проследить их развитие практически невозможно. По нашему мнению, изучение эволюции восточнославянского мировоззрения возможно начать лишь с IV ст. н. е., то есть с периода, к которому относятся первые письменные свидетельства, характеризующие верования и культы древних славян.

Исторический анализ родовых верований и культов невозможен без детального исследования родовых антропологических представлений наших предков. Основой антропологических представлений у восточных славян догосударственной эпохи были верования и культы, характеризующие место и роль человека в сакральной общине, включающей в сознании древних русичей как живых родственников, так и умерших предков. Реконструкция раннеславянских обрядов и верований, связанных с возрастными инициациями, характеризующими переход человека из одной возрастной группы в другую, – основная цель данной статьи.

Согласно письменным источникам и данным археологии, данный аспект мировоззрения наших предков родовой эпохи можно проанализировать лишь в связи с представлениями и верованиями связанных с первичной обществен-

ной структурой – родом. Целый ряд письменных источников свидетельствует о том, что человек в раннеславянском обществе мог чувствовать себя личностью только внутри своей родовой общины. Изгнанники из своего рода в сознании ранних славян как бы переставали существовать до тех пор, пока их не принимали в другой род. Не случайно уже в раннехристианскую эпоху «изгои», то есть люди, утратившие связь со своими общинами, находились вне закона. По крайней мере, даже в более поздних древнерусских княжеских уставах XI–XII вв. не предусматривалось никаких наказаний за преступления против изгоев [21, с. 357–358; 24, с. 83–86].

Внутри родовой общины существовало неравенство, но оно, вероятно, носило не имущественный, а статусный характер. Каждый человек в своем родовом коллективе должен был проходить через определенные возрастные инициации, и в зависимости от их прохождения находился его статус внутри родовой общины.

В современной историографии существует несколько определений ритуального комплекса, получившего название «инициации». Так, согласно одному из них, предложенному В.Я. Проппом, инициации – это языческий ритуальный комплекс обрядов, связанный с посвящением подростков в полноправные члены общины [14, с. 78]. Подобным образом трактовал «инициации» и А.К. Байбурин. По его мнению, главная цель данных обрядов заключалась в том, чтобы установить символическую границу между подростком и взрослым человеком [1, с. 62].

Как свидетельствуют имеющиеся фактологические материалы, у наших предков существовали сложные ритуальные комплексы, символизировавшие переход человека из одного жизненного этапа к другому, связанные не только с символическим превращением подростков во взрослых мужчин, но и посвящением младенцев, постригом детей 6–7 лет и т. п. Таким образом, по нашему мнению, более соответствует реалиям исследуемой эпохи определение С.А. Токарева, согласно которому инициации – это все ритуалы и верования, связанные с возрастными обрядами посвящения [22, с. 207].

Вероятно, первой инициацией, через которую должен был пройти человек, было посвящение младенцев, символизирующее переход человеческого существа из мира мертвых в мир живых. Во время данного обряда дети получали имя какого-то своего предка и его покровитель-

ство. До нашего времени не дошли описания подобного языческого ритуала. Какие-то туманные намеки содержатся лишь в Кормчей книге XII ст., в которой упоминается языческое посвящение детей уже в христианскую эпоху: «После крещения с чарованием некоим идолам служат и призывающее бесы в помощь себе и в оставления страдания, иже бо искони идолослужителями крещаемы... мечут детище своя на распути где крещение обретают» [18, с. 1105–1106].

Особый интерес вызывают сообщения о том, что дети у наших предков «искони идолослужителями крещаемы», но, трудно сказать, что означает фраза неизвестного русского книжника о том, что во время посвящения идолослужители: «мечут детище на распути», вероятно, речь идет о каких-то пережитках языческих традиций дохристианской эпохи.

Новорожденный ребенок, как справедливо отметил А.К. Байбурин, до прохождения первых инициационных ритуалов считался безличным существом, беззащитным, но и одновременно несущим угрозу живым людям. С одной стороны, он был частью «своего» рода, с другой – ребенок пришел «из мира умерших предков». Не случайно даже в XIX ст. в некоторых областях Украины было принято делать пеленки новорожденному ребенку из одежды ее дедов и прадедов [1, с. 56–57].

До нашего времени в некоторых областях славянского мира сохранились представления о новорожденных детях как о каких-то нечистых существах, находившихся в течение сорока дней после рождения одновременно и в реальном мире, и в мире умерших. В современной обрядности украинцев и болгар Буковины и Бессарабии, связанной с рождением и уходом за ребенком и роженицей, прослеживается двоякий смысл. С одной стороны, специальные обереги (красная нить, предметы из металлов, чеснок и т. д.) были призваны защитить младенца от внешних враждебных сил, с другой – охраняли окружающих людей от вредоносного воздействия самого ребенка, который после рождения якобы находился в состоянии перехода из мира мертвых в мир живых. Подтверждением существования таких представлений у современных болгар и украинцев может служить срок ношения оберегов ребенком (40 дней), что находит аналогии в погребальной обрядности.

Даже после принятия христианства представители древнерусской военной элиты некоторое время, вероятно, продолжали практиковать

какие-то языческие обряды, связанные с инициацией младенцев. Не случайно древнерусские князья долгое время имели несколько имен: христианское, данное при крещении, и языческое. Член княжеского рода должен был получить надлежащее имя, чтобы занять свое место в системе родовых и династических отношений. При этом далеко не всяким языческим именем можно было называть новорожденного князя. Пригодными оказывались лишь те имена, которые уже носили предки новорожденного наследника. При этом существовал строгий запрет на повтор имени прямых предков, если те во время появления принца на свет были еще живы. Другими словами, нельзя было называть ребенка Всеволодом Всеволодовичем или Олегом Олеговичем, если он родился еще при жизни своего отца, не годилось и имя живого деда [10, с. 14–15].

Вплоть до XVI века сохранился языческий обычай организовывать специальный семейный пир в случае появления на свет ребенка. Матери младенца каждый приходивший к ней гость обязан был дать какой-то ценный подарок [8, с. 205]. Таким образом, у наших предков родовой эпохи существовал особый обрядовый комплекс, символизировавший инициацию перехода новорожденного ребенка из мира мертвых в мир живых людей.

К сожалению, все другие стадии инициации детей у восточных славян представляют для нас абсолютную загадку. Однако факт существования подобных обычаев у восточных славян дохристианской эпохи не вызывает никакого сомнения. Подростковые инициации были лишь завершающей стадией определенных этапов обучения в специальных общественных школах, в которых старейшины и пожилые воины учили детей и подростков выживать в окружающем мире: обрабатывать землю, охотиться, ловить рыбу, владеть оружием и т. п.

Не были в этом смысле исключением и древние славяне. Византийские, германские и арабские авторы отмечают тот факт, что славянские юноши хорошо владели оружием, прекрасно ориентировались как в лесу, так и в степной местности. Автор «Стратегикона», например, сообщает следующее: «Воевать в лесных дебрях со славянами нет никакой возможности. Их юноши мастерски владеют оружием и при любой возможности подкрадываются и внезапно нападают на врага. Они храбры, особенно в своей земле, мужественные – легко переносят холод и жару, способны быстро

переправляться через реки» [11, с. 96]. Другой византийский автор Прокопий Кесарийский утверждает в своей «Истории войн Юстиниана»: «Славяне и анты мастерски стреляют из луков верхом, хорошо прячутся даже за маленькими камнями, и лучше всех других народов умеют брать в плен врагов» [13, с. 103–106]. По нашему мнению, следует обратить внимание на тот факт, что и автор «Стратегикона», и Прокопий Кесарийский сообщают не о профессиональных воинах-дружинниках, а о мужчинах славянского племени вообще.

Возможно, в некоторых славянских родовых общинах учили владеть оружием не только мальчиков, но и девочек. По крайней мере, некоторые из византийских авторов сообщают о том, что в дружинах славян было немало воинов-женщин. Так, Иоанн Скилица в своем «Обзрении историй» при описании одного из вооруженных столкновений византийских воинов с войском князя Святослава сообщил о том, что среди убитых руссов оказались и женщины-воительницы [5, с. 230].

Вероятно, начинали воспитывать детей в возрасте пяти – десяти лет. Начало обучения отмечалось специальным языческим праздником – «постригом», символизировавшим начало обучения в лесной школе. В честь праздника община организовывала ритуальные пиры. Упоминания о ритуальных пирах в честь мальчиков из знатных польских семей находим в нескольких польских легендах из «Хроники Мартина Галла». Согласно первой из легенд, некий польский князь по имени Попел подготовил по случаю пострига двух своих сыновей большой пир, на который пригласил родственников и друзей. На пир пришли и два чужеземца. Чужеземцев не только не пригласили принять участие в праздновании, но и грубо оскорбили изгнав из-за праздничного стола. Таинственные чужеземцы якобы впоследствии жестоко отомстили обидчикам [3, с. 5].

В иноземцев польские хронисты, вероятно, превратили языческих жрецов – будущих воспитателей княжичей. После окончания застолья они должны были забрать детей в лес и воспитывать в специальных лесных школах. Обиженные «иноземцы», согласно источнику, пришли в гости к простому крестьянину, который также со своими родственниками отмечал постриг своего сына. Здесь их встретили с почетом, и «гости» благословили хозяина и его потомков, а оскорбившего их князя прокляли. Далее в «Хронике» сообщается о гибели Попела и его семьи и возвышении рода гостеприимного крестьянина [3, с. 5].

Скорее всего, легенда попала в Хронику из языческих летописей и должна была служить предостережением для тех, кто осмелился бы обидеть служителей языческого культа. Большой интерес вызывает тот факт, что родственники детей князя и сына простого крестьянина отмечали постриг одновременно. Обучение всех детей, возможно, в будущем должны были проводить одни и те же жрецы. Возможно, что в данной легенде сохранились отголоски древних родовых обычаев, согласно которым все дети родового поселения должны обучаться одновременно в одной возрастной группе.

В той же Хронике сообщается и о постриге сына польского князя Земомысла: «И вот, когда приблизилась седьмая годовщина его рождения, отец мальчика собрал, по общепринятому обычаю, других князей и устроил в честь праздника богатое угощение; во время празднования он, помня, однако о свое большое горе (слепоту мальчика), тяжело вздыхал. А все другие в это время радовались и, по обыкновению, хлопали в ладоши, и особенно возросла радость тогда, когда стало известно, что слепой мальчик прозрел» [3, с. 8].

В данную легенду был внесен инородный христианский мотив о «чудесном прозрении» будущего крестителя Польши, но основа легенды, несомненно, языческая. Особый интерес вызывает тот факт, что в источнике указан возраст пострига мальчика – семь лет.

Вероятно, постриг как языческий ритуальный комплекс сохранялся и в более позднюю, уже государственную эпоху. Археологи отмечают любопытный погребальный обычай, связанный с захоронением детей из дружинного сословия. Рядом с останками мальчиков 5–7 лет в целом ряде захоронений IX–XII ст. в различных регионах восточнославянского мира были обнаружены амулеты-топорики [12, с. 49]. По мнению современных исследователей, амулеты-топорики символизировали бога Перуна – покровителя возрастных инициаций [4, с. 91–102]. Возможно, что родственники умерших мальчиков, таким образом, стремились совместить погребальные обряды с постригом, чтобы умершие остались в сакральной общине среди умерших предков.

Среди восточнославянской воинской элиты постриг мальчиков 5–7 лет в полной мере продолжали отмечать и в конце XII ст. Вероятно, он означал начало обучения будущего князя владеть оружием и ездить верхом. Так, Лаврентьевская летопись сообщает о том, что суждальский князь

Всеволод Георгиевич отметил постриг своего сына в 1192 году: «В лето 6700 мѣсяца иуля въ 28 день, быша пострыгы у великого князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Георгеви, въ градъ Суждали; того же дни и на конь его всади, и бысть радость велика въ Суждали» [15, с. 172].

Стрижка волос издавна связывалась с освящением, то есть духовным преобразованием или инициацией. Постриг, очевидно, был одной из последних ступенек в ритуале принятия ребенка в родовую общину. С другой стороны, лишенная волос голова ребенка символизировала также низший статус человека внутри рода. Не случайно длинные волосы (особенно борода) были одним из символов мудрости и власти у восточных славян [23, с. 166–175].

Отголоски восточнославянской языческой традиции воспитания детей в особых лесных домах прослеживаются в некоторых восточнославянских былинах. В частности, в былине «Волхв Всеславич» рассказывается о том, как главного героя в пять лет отправили учиться «премудростям»:

В тапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился –
Обвертоватца ясным соколом,
Ко другои-та мудрости учился он, Вольх,
Обвертоватца серым волком,
Ко третеи-та мудрости учился Вольх –
Обвертоватца гнедым туром – золотыя рога
[2, с. 58].

Сходный сюжет находим в другой древнерусской былине – «Вольга». В данном источнике также рассказывается о том, как главного героя в пять лет отправляют «учиться»:

И рос Вольга Буславлевич до пяти годков...
И пошел Вольга сударь Буславлевич
Обучаться всяких хитростей-мудростей,
Всяких языков он разных [2, с. 91].

Важной деталью в данных источниках является превращение главных героев в тотемных животных. Подобный сюжет, возможно, является отголоском языческих обрядов принятия мальчиков в состав рода, сакральным главой которого часто считался тотемный зверь: тур, медведь, хищная птица и т. д. Обряд посвящения проводили старейшины – жрецы, одетые в шкуры тотемного зверя, при этом, вероятно, и самих детей одевали в звериные шкуры. Жрецы или старейшины рассказывали новоиспеченным родственникам сакральные тайны, родовые мифы и т. д. Таким образом, последние и «превращались» в зверей.

Как справедливо отметил А.К. Байбурин, дети во время подобных обрядов должны были ознакомиться с нормами и правилами своего рода [1, с. 8]. Пережитки этих обрядов прослеживаются и в восточнославянском фольклоре. Так, в целом ряде восточнославянских волшебных сказок сообщается о том, как маленький герой (героиня) попадает в сказочный заколдованный лес и там встречается со сверхъестественными существами (бабой Ягой, ведьмой, Морозко и т. п.). Если герой (или героиня) ведут себя должным образом, то сказочное существо одаривает ребенка, правда, некоторых детей чудовища съедают. Описание «волшебного дома» в данных сказках очень напоминает описание древнеславянских языческих святилищ. Так, жилище Бабы Яги или сказочной ведьмы обычно окружено оградой из жердей, на которые насажены черепа людей и животных [14, с. 152].

Согласно данным археологии, восточнославянские языческие святилища были обычно окружены ритуальной оградой (чаще всего деревянной), по периметру которой исследователи часто фиксируют черепа животных и людей, а также их фрагменты [17, с. 50–68]. Данные археологических раскопок подтверждают и сообщения иностранных авторов. Так, в «Истории» Льва Диакона рассказывается о том, как воины князя Святослава, зарубив мечами и топорами одного из знатных византийских воинов, насадили его голову на копье и, приняв его за императора, хвастались, что убили властителя Византии подобно жертвенному животному [9, с. 28].

Когда один из византийских царей по имени Никифор попал в плен к болгарам, то местный славянский князь отсек ему голову и повесил ее на несколько дней на кол, а затем, содрав кожу с головы, и оковав череп серебром велел пить из нее всем славянским старейшинам за здоровье друг друга [20, с. 336].

Согласно «Запискам путешественника» Ибн-Фадлана восточнославянское святилище в Булгарии составляло собой площадку с идолами в центре, окруженную жердями с насаженными на них черепами жертвенных животных [6, с. 95].

Другая важная деталь в восточнославянских сказках, это попытка «зажарить» маленьких героев сказочным существом. Так, ведьма или Баба Яга, обычно пытается засунуть детей в печь и зажарить там. Герой сказки, как правило, «обманывает» сказочное существо и остается живым. Долгое время считали, что эта деталь – плод на-

родной фантазии, но фольклорные данные неожиданно нашли подтверждение со стороны археологических источников. Так, в результате раскопок восточнославянских городищ-святилищ на территории нынешней Западной Украины были найдены ритуальные печи внутри так называемых «длинных домов», в которых наши предки организовывали общественные пиры. В данных печах выпекали ритуальный хлеб для жертвоприношений, а также их, вероятно, использовали для обрядов, связанных с инициацией детей. Вблизи этих печей зафиксировали кости детей в возрасте 5–10 лет. Скорее всего, это останки тех, кто не прошел испытания [16, с. 155–156].

Окончания процесса обучения должно было отмечаться традиционным испытанием – посвящением в воины, после прохождения которого подросток получал статус полноправного члена общины. К сожалению, в письменных источниках не содержится абсолютно никакой информации относительно данной проблемы. Неясные отголоски древнего языческого обычая инициации подростков находим лишь в древнерусских былинах. Так, в былине «Волхв Всеславич» сообщается о том, как главный герой достиг пятнадцатилетнего возраста, «собрал дружину храбрую» и отправился с ней воевать с «индийским царем»:

А и будет Вольх пятнадцать лет,
Стал себе Вольх он дружину прибирать,
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся ево дружина по пятнадцати лет
[2, с. 58–59].

Подобным образом описывает начало подвигов былинного богатыря и другая древнерусская былина – «Вольга»:

И рос Вольга Буславлевич
А прожил шестнадцать лет,
Собирал дружину себе добрую,
И тридцать богатырей без единого,
Сам становился тридцатым [2, с. 90–91].

Обращает на себя внимание тот факт, что все «дружинники» Волхва Всеславича, отправляющиеся с ним «на войну», подростки одного возраста. Скорее всего, в былинах содержатся отголоски древних инициаций посвящения подростков одного рода или племени в воины. Все испытания, таким образом, проводились внутри возрастных групп.

Сюжет, согласно которому герой должен пройти через определенные испытания, прежде чем жениться и стать полноправным членом общины (получить наследство или занять престол

отца-царя), составляет основу всех восточнославянских волшебных сказок. Во всех этих сказках сохраняется общая схема: главный герой попадает в заколдованный дом (избушка на курьих ножках Бабы Яги, жилище колдуна и т. п.), где получает несколько мудрых советов или волшебных помощников, затем спускается в «иной» мир, побеждает сказочное чудовище, возвращается в свое царство с девушкой из «чужого мира» и вступает с ней в брак [14, с. 172–201]. Описание «волшебного дома», куда попадает подросток в целом подобен описанию «жилища ведьмы» из сказок об испытании детей. Предположительно, обряды инициации подростков проходили в тех же священных местах, что и посвящение детей.

Первым испытанием подростка в сказочных сюжетах является общение с Бабой Ягой – мифологическим существом, охраняющим вход в царство мертвых. Само имя существа указывает на то, что оно представляет собой демонизированный образ умершего предка. Баба Яга – прежде всего «баба», то есть прадед, прабабка, и именно поэтому она чаще всего одаривает своего отпрыска, облегчает его дальнейшее путешествие. Испытание, скорее всего, начиналось в святилищах, в которых почитались умершие предки – Род и рожаницы.

Согласно археологическим данным, раннеславянские святилища были обычно посвящены умершим предкам. В центре таких святилищ, небольших по размерам, археологи иногда фиксируют антропоморфные изображения с лицами пожилых людей (как мужчин, так и женщин) [7, с. 85–87]. Данный факт находит подтверждение в славянском глоссе к произведению «Слово Григория Богослова об идолах». Неизвестный древнерусский книжник отметил в своем труде, что наши предки в догосударственный период: «Кладли требы Роду и рожаницам прежде Перуна, бога их» [19, с. 385]. Именно в таких святилищах, скорее всего, и проходили обряды инициации подростков.

В.Я. Пропп обратил внимание на тот факт, что все поведение главного героя сказок в жилище Бабы Яги строго регламентировано. Герои отвечают одинаково на одинаковые вопросы хозяйки избушки на курьих ножках, и последняя теряет свою агрессивность и помогает своему гостю. По мнению исследователя, подросток, отправляясь

на испытания, изучал определенные языческие молитвы, которые оберегали его от негативного влияния иного мира и обеспечивали поддержку со стороны умерших предков [14, с. 79].

Несмотря на тот факт, что Баба-Яга в целом доброжелательный персонаж, она сначала пытается сожрать героя, и только специальные слова спасают его от гибели. Данный факт означает, что испытание считалось у наших предков опасным, и не все подростки имели возможность его пройти. Тех, кто не прошел испытания, вероятно, приносили в жертву мертвым предкам (они пожирали героя). Подтверждением данной гипотезы служат останки людей на территории раннеславянских языческих храмов, значительную часть которых составляют кости подростков [7, с. 85–89]. Не случайно в целом ряде славянских языков слова, близкие к термину «яга», означают «ужас», «смерть» и т. п. Так, в болгарском языке «ега» означает «мука», «пытка», чешское «уега» – «смерть, опасность» [25, с. 542].

Дальнейшее испытание подростков должно было символизировать путешествие героя в загробный мир и возвращение его обратно уже в статусе взрослого члена общины. Испытуемый якобы умирал в качестве подростка и рождался уже в статусе взрослого человека. Путь к загробному миру проходил сквозь двери языческого храма, посвященного умершему предку. В языческом сознании восточных славян языческое святилище было домом божества, оно одновременно существовало в реальном и сакральном мирах. Символическим рубежом служила ограда святилища.

Таким образом, в сознании наших предков родовой эпохи человек представлял собой вечную и неотъемлемую часть сакрального рода. Рождение ребенка символизировало переход человека из мира мертвых в мир живых и отмечалось специальным обрядовым комплексом – посвящением младенца. Следующий этап существования личности – период воспитания в лесной общине начинался в возрасте пяти – семи лет и отмечался обрядовым комплексом – постригом. По окончании обучения в общественных школах подростки должны были пройти специальные испытания – инициации посвящения во взрослые члены общины.

Библиографический список

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 321 с.
2. Былины. — Москва : Наука, 1989. — 560 с.
3. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Галл Аноним ; пер. Л. М. Поповой. — Москва : Наука, 1961. — 135 с.
4. Даркевич, В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве / В. П. Даркевич // Советская археология. — 1961. — № 4. — С. 91–102.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — Т. 2 : Византийские источники. — 484 с.
6. Ибн-Фадлан. Записки / Ибн-Фадлан // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. — Санкт-Петербург, 1870. — С. 82–116.
7. Козак, Д. Н. Святилища восточных славян / Д. Н. Козак, Я. Е. Боровский // Обряды и верования древнего населения Украины. — Киев : Наук. думка, 1990. — С. 84–101.
8. Костомаров, Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях / Н. И. Костомаров. — Смоленск : Русич, 2002. — 560 с.
9. Диакон, Л. История / Л. Диакон ; примеч. и пер. К. А. Осиповой. — Москва : Наука, 1988. — 239 с.
10. Литвина, А. Ф. Глава из истории выбора имен у Рюриковичей: князья тезки и их национальные святые / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1. — С. 14–33.
11. Маврикий Стратег. Тактика и Стратегия / Маврикий Стратег ; пер. с лат. А. С. Цыбышева. — Санкт-Петербург, 1903. — 214 с.
12. Макаров, Н. А. Древнерусские амулеты-топорики / Н. А. Макаров // Советская археология. — 1992. — № 2. — С. 48–49.
13. Прокопий из Кессарии. Война с готами. О постройках / Прокопий из Кессарии ; пер. С. П. Кондратьева. — Москва : Аркос, 1996. — 513 с.
14. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. — 365 с.
15. ПСРЛ : Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. — Москва : Изд-во АН СССР, 1962. — Т. 1. — 472 стб.
16. Русанова, И. П. Во времена Збручского идола / И. П. Русанова, Б. А. Тимощук // Вопросы истории. — 1990. — № 8. — С. 153–157.
17. Русанова, И. П. Культурные места и языческие святилища славян VI–XIII вв. / И. П. Русанова // Российская археология. — 1992. — № 4. — С. 50–68.
18. Качановский, В. В. Славянская «Кормчая» / В. В. Качановский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1897. — Т. 2. — Кн. 4. — С. 1068–1108.
19. Слово Григория Богослова о том, как поганые суще языцы кланялися идолам / Е. В. Аничков // Язычество и Древняя Русь. — Санкт-Петербург, 1914. — С. 380–385.
20. Яцимирский, А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам / А. И. Яцимирский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1911. — Т. 16. — Кн. 2. — С. 333–338.
21. Суд Ярослава Владимировича. Правда Русская / под ред. А. А. Зимина. — Москва : Наука, 1982. — С. 357–358.
22. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. — Москва : Политиздат, 1990. — 621 с.
23. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 1982. — 245 с.
24. Устав князя Святослава Ярославовича // Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. — Санкт-Петербург, 1868. — Т. 2. — С. 83–86.
25. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1971. — Т. 4. — 827 с.